

— Литературный факультет...

— Что?

Я наклонился прямо к уху и едва прокричал: «Литературный факультет!» — как из слухового аппарата, что торчал в его ухе, прямо в лицо мне брызнула струя воды. Я опять не в силах был понять, что происходит. Я свалился там, где стоял. Здесь была не контора, а логово злых духов. От голода кружилась голова...

Я не один валялся на полу. Они тоже катались рядом от хохота. Какое-то время они бились, корчились на полу, словно в припадке эпилепсии. Потом постепенно пришли в себя, поднялись. Они уже не смеялись. Каждый из них превратился в делового человека. От шуток не осталось и следа.

— Молодец, — сказал один из них, — ты здорово выдержал все. Мы уже пропустили, наверно, человек сорок, и ни один из них не продержался до конца. Были и такие, что бежали сразу же после первого опыта.

— Я ничего не понял, бей-эфенди, что я выдержал?

— В Америке есть фабрика, которая производит шуточные товары. Эта фабрика предложила нам вести с ней дела. Прислала кое-что из своей продукции.

— Да...

— Некоторые из этих шуток, случается, бывают тяжеловесными, опасными. Поэтому мы решили сначала их испытать.

Затем они начали беседовать между собой.

— Говорят, в Америке десять тысяч магазинов торгуют этими товарами.

— Да, да... И будто бы в год на 20 миллионов долларов товара вывозят.

— Фабрика предлагает нам товары пятидесяти наименований.

— Нужно заказать их. На этом деле можно хорошо заработать. Потому что наши люди — еще большие шутники, чем американцы. У нас любят шутку.

Самый пожилой и жирный из них сказал другому — очевидно, секретарю:

— Запиши: две тысячи пластин, подогревающих сиденье стула; десять тысяч коробок чесоточного порошка; пятьсот ящиков одеколона, вызывающего икоту; пять тысяч дюжин слуховых аппаратов, стреляющих водой; двадцать тысяч бутылок слезоточивой жидкости; пять тонн бешеного сахара; тридцать тысяч коробок взрывающихся капсулей... Напиши, пусть немедленно высылают все.

Судя по тому, что я им понравился, они, должно быть, приняли меня на работу. Но, по правде говоря, я не уразумел, каковы же мои обязанности. А они, беседуя между собой, совсем обо мне за-

Вечеринка

АБДЕЛЬХАМИД БЕНЖИН

Алжир

ЕДИНСТВЕННЫЙ сын, даже в семье очень бедной, — счастливый ребенок. Этого, увы, не скажешь о старших сыновьях в многодетных семьях. Не успев подрасти, они превращаются в нянек. Им приходится ублажать младших братцев, осушать им носы и подтирать зады.

Во всяком случае так обстояло дело в нашем дуаре. Мы, старшие сыновья в крестьянских семьях, уже к десяти годам получали искривление позвоночника, все время таская на спине своих маленьких братьев. А те, не знаю почему, орал ровно 24 часа в сутки — видимо, это доставляло им громадное удовольствие. (Было бы любопытно изучить вопрос о преждевременном и быстром развитии гортаней наших младенцев в противоположность их умственным способностям, которые в основном стоят на нуле.)

Напрасно мы исподтишка то и дело щипали своих питомцев. Сплошь исципанные до синяков, они все никак не понимали, что им следует помолчать, и орал не переставая.

Единственное, что мы могли сделать, — это неверными шагамч, точно слепые или парализованные, тащиться со своей тяжелой ношей подальше от материнских ушей. Ведь обычно мать, заслышав крики малыша, начинала кричать еще громче. Этот бессердечный балбес, этот садист, наверно, хочет уморить невинного маленького братца. Она брала «бедную жертву» на руки, укачивала ее, успокаивала, целовала, выкрикивая время от времени проклятия по адресу «жестокосердного палача» — старшего брата, и, надо сказать, в большинстве случаев это были вполне заслуженные упреки.

Но ведь и он был ребенок, этот старший брат, ребенок, который имел несчастье оказаться старшим среди полудюжины волчат. Сколько же надо терпения, чтобы целыми днями развлекать этих милых ангелочков, не смея думать о собственных удовольствиях! Надо помогать матери, измученной всякими домашними хлопотами, а когда немного подрастешь, придется помогать в работе такому же измученному отцу.

(Окончание см. на стр. 48)

Вот единственный сын — это действительно счастливец. Он может играть весь день напролет, и родители балуют и нежат его даже в том возрасте, когда другие мальчики трудятся наравне со взрослыми. Для него готовятся лучшие блюда, а яйца трех или четырех несушек целиком идут на то, чтобы убагодворить этого обжору.

В нашем дуаре единственным сыновьям давали два имени. При рождении их громогласно нарекали или Замарашкой, или Подкидышем. Так вернее — единственного младенца никто не сглазит, да и для старухи с косою человек с таким именем — не больно желанная добыча. Но дома тех же детей ласково называли Красавчик, Богатый, Умница. Надо думать, что хитроумным крестьянам удастся обмануть судьбу, так как единственные сыновья, если уж не умирают во младенчестве, то живут очень долго...

Во всяком случае я могу привести в пример Салима — сына дядюшки Лакдара. Теперь ему тридцать лет. Это, как говорится, молодой человек приятной наружности, отец семейства, который честно зарабатывает свой хлеб в одной конторе.

Отец Салима, дядюшка Лакдар, — по профессии булочник. Поэтому чего-чего, а хлеба Салиму всегда хватало. Кое-кто утверждал даже, что своими розовыми щеками и крепким здоровьем Салим обязан исключительно белизне хлеба, который он мог есть в любое время.

Уже в четырнадцать лет Салим, будучи единственным сыном в семье, разыгрывал из себя взрослого мужчину. Он был здоров и неглуп и, в общем, во всех отношениях радовал своих родителей. Закончив среднюю школу и блестяще выдержав экзамены, он получил диплом. То был великий день для его семьи, чай лился рекой. (С тех пор — увя! — многое изменилось. Я знаю нескольких молодых людей, которые объявляли мне о получении ими ученых степеней таким тоном, словно говорили: «Вы знаете, когда на небе нет облаков, оно голубое».)

Итак, диплом был вставлен в рамку и повешен на самом видном месте. Планы дядюшки Лакдара в отношении его единственного наследника становились все конкретнее. Он всегда говорил, что из Салима выйдет толк. И вот настал момент серьезно подумать о будущем этого умного, прилежного и такого послушного мальчика. Благодарение богу, у него есть отец, чтобы поразмыслить обо всем этом. «Что случилось бы с ними всеми без меня?» — вопрошал себя дядюшка Лакдар.

Эти глубокие размышления он завершил тройным оборотом ключа. Заперев на ночь свою лавку, глава семьи устроил с женой настоящий военный совет насчет «малыша, который уже не маленький». Впрочем, жена была приглашена только для формы. Она обладала прекрасным качеством — во всем соглашалась с мужем. Салим не помнил слу-

чая, чтобы мать противилась воле отца. Не правда ли, как разумны были женщины в те времена?

Четыре дня спустя после этого тайного заседания, в четверг вечером после обеда, дядюшка Лакдар, покручивая правый ус, обратился к своему единственному наследнику со следующей речью:

— Салим, сын мой, ты можешь пригласить своих друзей к воскресному обеду. Мы устроим небольшой праздник, который, я надеюсь, доставит удовольствие и тебе и мне. Необходимо считаться с капризами юности, — добавил он, взглянув на жену с видом заговорщика.

Могло ли все это удивить Салима? Ведь его отец был так добр, так великодушен, только и думал о том, чтобы сделать жизнь Салима приятной!.. Но молодость — это молодость... Салим радостно поблагодарил дядюшку Лакдара и, горя нетерпением, тут же побежал созывать друзей. «Будут музыканты», — сказал он, и все порешили, что вечеринка выйдет чудесная.

В воскресенье действительно были музыканты. Многочисленные друзья Салима и дядюшки Лакдара аплодировали оркестру, а чай снова лился рекой.

Салим в новеньком костюме так и сиял. Он переходил от одной группы к другой, желая почтительным вниманием всех приглашенных. Каждый гость поздравлял его и говорил, что вечеринка удалась на славу. «Прямо как на свадьбе», — шутили друзья Салима. «Мне еще слишком рано жениться», — отвечал Салим, — но когда этот день придет, праздник будет гораздо роскошней».

Музыканты хором грянули песню, им подтянули женские голоса из соседней комнаты.

Гости засиделись допоздна. Дядюшка Лакдар, окруженный такими же, как он, почтенными людьми в тюрбанах, рассказывал в тысячный раз историю злоключений одного мула. Салим, все время занимавший гостей, жаждал вкусить заслуженный отдых, присоединиться к своим друзьям, которые, собравшись в кружок, беседовали о чем-то, казалось, очень интересном.

Наконец к полуночи все разошлись. Остались только приятели Салима. Они по-прежнему что-то упорно обсуждали. Это были Нуреддин, Хасан, Хафид, Вузид и аль-Хади. Все пятеро — неразлучные друзья. Аль-Хади — самый старший и самый рослый — говорил о чем-то с дядюшкой Лакдаром, который очень любил его и считал как бы старшим братом и защитником своего сына. Вскоре аль-Хади вернулся к кружку молодежи.

— Уже поздно, — сказал он, — нужно отправляться по домам. Идем, Салим. Мы проводим тебя в твою комнату.

— Скорее уж я должен вас проводить...

— Ну, ну, иди и не спорь, — добродушно прикрикнул на него аль-Хади.

Салим нерешительно повинувался. Окруженный плотным кольцом товарищей, как султан телохранителями, прибыл он к порогу спальни. Хасан открыл дверь, Хафид втолкнул Салима внутрь, а аль-Хади захлопнул дверь.

— Бросьте эти шутки! — крикнул Салим, но никто не ответил ему. Он остался один в полной темноте. «В конце концов все равно пора спать», — подумал он, зажег свет и подошел к постели, чтобы взять пижаму. Тут-то он и увидел ее... Она сидела перед ним, закутанная в белое, со всех сторон обложенная подушками. «Ах вот, значит, что они замыслили! Думают, что я еще боюсь привидений...» Салим тихонько подошел к постели и посмотрел в упор на громадную куклу. Вдруг кукла пошевелилась. Салима охватил страх. Кукла снова зашевелилась, откинула покрывало и заговорила. Салим слышал ее голос, но ничего не понимал. Он просто обезумел от страха. Волосы у него на голове стали дыбом, колени тряслись, он побледнел, он задыхался. Потом, испустив резкий пронзительный вопль, он бросился прочь и наполовину выломал дверь, пытаясь ее отворить. Обезумевший, неся он по коридорам, вопя: «Папа, папа!» К счастью, папа как раз оказался поблизости. Он подждал Салима с самым добродушным видом.

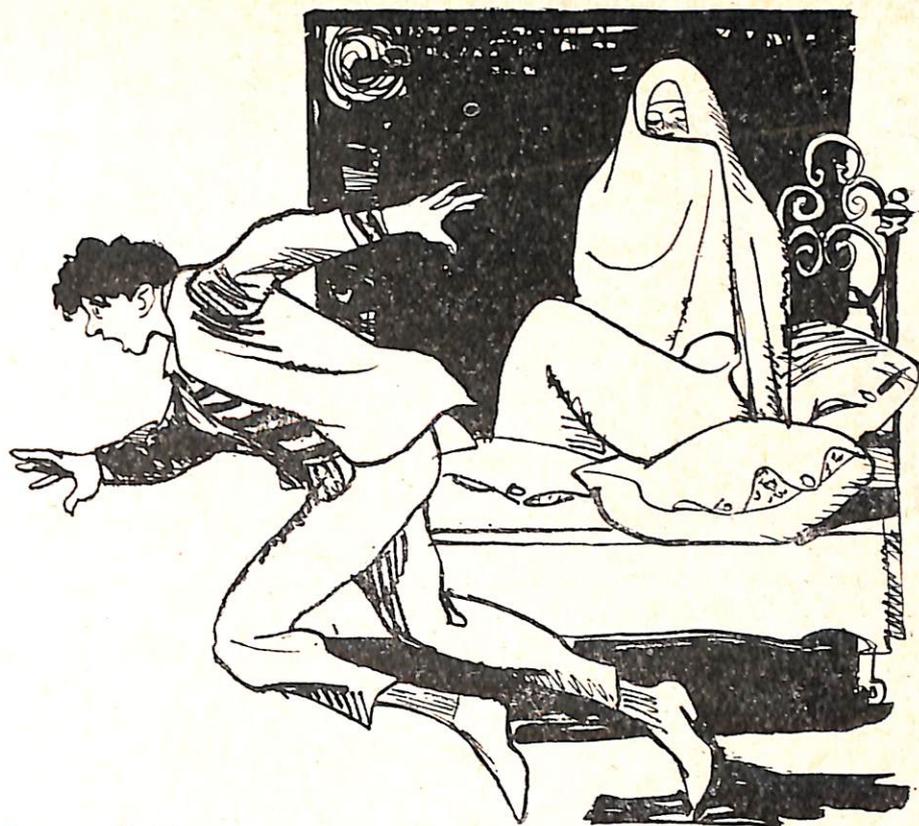

Рисунок Е. Шукавы

— Папа, папа, — еле выговорил Салим, — у меня в комнате женщина!

— Успокойся, сын мой! Как тебе не стыдно! Это твоя жена. Мы тебя женили — ведь ты у нас теперь взрослый мужчина!

Перевела с французского
Галина Джугашвили

В ГОСТЯХ У САНТАЛОВ

(Окончание. Начало см. на стр. 34)

го. Правда, при этом учитывается моральный ущерб, нанесенный посрамленному изгнаннику, и родители невесты возвращают ему не 45 рупий, а 90, по выражению Ламы, «за хлопоты».

Свадьба, а вернее, посвящение в мужа, происходит в один из праздников. Все претенденты на руку невесты соревнуются в стрельбе из лука. Невеста достается самому меткому стрелку. Но обычно все в деревне знают, кто по сердцу невесте, так как жених уже не один год живет в ее доме, и у них часто к этому времени рождаются двое-трое детей. Поэтому все остальные «соперники», такие же хорошие стрелки из лука, «мажут», и невеста достается победителю. После соревнования «жених» официально становится мужем.

Жители деревни живут очень дружно, словно одна большая семья, и в трудную минуту все при-

ходят на помощь тому, кто в ней нуждается. Ссор почти не бывает.

Наиболее опасным преступлением считается насилие. Наказывают за него штрафом в 50 рупий, а в случае отказа от уплаты денег насильник переходит в семью пострадавшей девушки. Лама сказал, что, как правило, такие случаи являются уловкой «наильника» и «пострадавшей», желающих соединить свои судьбы вопреки воле родителей.

Управляет деревней и вершит суд «меджихаран» («самый старший»), которого выбирают из наиболее старых и «мудрых» мужчин. Обычно «мудрец» является и самым богатым человеком в деревне.

Племя санталов исповедует индуизм и поклоняется «Моран Исари» — Великому Солнцу. Как и все индуисты, санталы не должны употреблять в пищу мясо жоров и буффало, но, в отличие от других жителей тераев, они не так строго придерживаются религиозных предписаний.

Времени до захода солнца оставалось мало, а ночью в джунглях даже на слонах путешествие опасно. Мы тепло распрощались с жителями деревни и тронулись в путь.